

УДК 340.115

Современные методологические подходы и их использование в отечественной правовой науке

Краснов А.В.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

Автор исследует современное состояние методологии в отечественной правовой науке. Отмечаются негативные тенденции абсолютизации диалектики и юридического позитивизма. Обосновывается необходимость применения интегративного понимания права, а также методов синергетики, феноменологии и антропологии. Объекты исследования правовой науки рассматриваются как носящие одновременно объективный и субъективный характер.

Ключевые слова: методология, правовая наука, юридический позитивизм, интегративное понимание права, синергетика, феноменология.

Современная юридическая наука в России сталкивается со многими вызовами, обусловленными текущей ситуацией в глобальном мире, российском обществе, непосредственно в гуманитарных науках и в правовой реальности. Особое место среди этих вызовов занимает проблема поиска методологической базы научных исследований, которая бы отвечала современным требованиям и давала возможность выработки принципиально новых знаний, что, в свою очередь, может дать толчок и к преобразованию действительности.

Следует констатировать, что методологические исследования в юриспруденции – явление далеко не частое. В советский период развития число правоведов-специалистов в области методологии было весьма ограниченным (Д.А. Керимов, А.Ф. Шабалин, А.М. Васильев, В.К. Бабаев, В.М. Сырых, В.А. Козлов). В настоящий момент ситуация принципиально не претерпела изменений: собственно методологические вопросы затрагиваются в рамках исследований, которые посвящены проблемам правопонимания, то есть концептуальному осмыслению правовых явлений, хотя чисто методологическими их тоже нельзя назвать [1; 2; 3].

Сказанное можно объяснить сохранившейся с советских времён тенденцией считать данную тематику не сугубо правовой, а философской [4, с. 10].

Кроме того, официально доминирующее в советский период правопонимание, представлявшее некий гибрид марксизма с юридическим позитивизмом, по большому счёту не допускало существенных отклонений от признанной линии: соответственно ряд методологических средств (системный метод, социально-правовая методология и пр.) хотя и допускался к применению в научной среде, но лишь в качестве определённого дополнения, не претендовавшего на сущностное переосмысление устоявшихся догматов.

Цель исследования – формирование научно обоснованных знаний о проникновении и использовании в юридической науке новых методологических подходов к исследованию правовых явлений, а именно так называемых постклассических.

В рамках данного исследования следует иметь в виду, что юридический позитивизм представляет собой классическую концепцию правопонимания, которая исходит из принципиальной достижимости объективного и достоверного знания. В рамках классической научной парадигмы считается, что предпочтения субъекта-исследователя никак не влияют на процесс и результат исследования; собственно объект исследования может быть описан полностью и исчерпывающим образом [5]. Во многом благодаря классическому характеру позитивизма

любая методология рассматривается через призму принципиальной необходимости формирования абсолютно объективного и достоверного знания. В то же время неклассическая, а тем более постнеклассическая научная рациональность исходят из принципиально иных постулатов: взаимодействие причин и следствий носит не всегда линейный и механистический характер, а чаще всего может трактоваться лишь в категориях статистических, вероятностных закономерностей. Особое внимание при этом уделяется единичным фактам, а не совокупности фактов, как это имеет место в рамках классической научной парадигмы. Именно в связи с формированием неклассической научной рациональности рождается классификация наук на номотетические и идеографические [6, с. 44], характерная для герменевтической традиции (В. Дильтей, М. Вебер, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Р. Коллингвуд). Если первые оперируют количественными показателями и основываются на научных законах, выявленных в природе, то вторые, исследуя общество и человека, во многом ориентируются на единичные факты, их интерпретации и вероятностные закономерности. Социальные науки имеют дело с человеческим восприятием умозрительных явлений. Социологические опросы, анкетирование – весьма относительные инструменты, которые не дают полной и объективной картины в силу множества причин. Не говоря уже и о том, что сама интерпретация результатов таких исследований может быть принципиально различной.

Материалистическая диалектика, преобладавшая в методологии советской науки, игнорирует взаимодействие случайных факторов, сложных нелинейных социальных связей; абсолютизирует практику как критерий истины вне контекста интерпретаций моделей этой практики, что можно рассматривать как сущностные недостатки в отношении социальных исследований. Рассмотрение диалектики как единственно верной методологии в советский период создало столь сильную инерцию, что до сих пор при написании введения к диссертациям авторы усердно упоминают её в качестве базового метода, хотя по факту исследование может носить сугубо юридико-позитивистский характер лишь с использованием основных категорий диалектики. Сказанное вовсе не говорит о необходимости ниспровержения диалектики с методологического трона, однако современная постнеклассическая наука в целом исходит из иных принципов, в частности, дополнителности в использовании методов, что исключает отношение к тем или иным методам как единственно верным и непогрешимым.

Инерционность представлений по поводу собой «правильности» диалектики, к сожалению, не учитывает то обстоятельство, что за столетия своего развития наука выработала достаточно много принципиально разных критериев истинности тех или

иных положений [7, с. 91-92]. Современная правовая наука достаточно часто оперирует критерием конвенциональной истины.

Следует согласиться с тем, что правовые понятия и категории претерпевают изменения на разных этапах развития науки, особенно при смене парадигмы научного мышления [8, с. 31]. Собственно, именно формирование новых знаний справедливо расценивается как признак науки и научной деятельности как таковой [9, с. 26].

Современная методология в правовой науке представлена рядом интегративных концепций правопонимания, а также постмодернистскими направлениями. Далеко не все из них могут похвастать разработанным понятийно-категориальным аппаратом, однако достаточно многие из методологических инструментов стоит брать на вооружение современной правовой науке. В частности, феноменологический метод направлен на установление скрытой сути явлений, которая скрывается за некоторыми внешними признаками и устоявшимися представлениями. Безусловным потенциалом обладает и правовая синергетика [10-13], акцентирующая внимание на накоплении случайных факторов, влиянии определённых факторов на процесс изменения системы, который носит вероятностный характер. Социально-культурная методология обращает наше внимание на социальный конструктивизм, а именно намеренное влияние на формирование и развитие социальных явлений и процессов со стороны заинтересованных групп, что подчёркивает субъективность этих явлений и процессов. Антрополого-правовая методология, в свою очередь, во главу угла ставит человека как основного субъекта и творца правового бытия. Очевидно, что любое общественное явление, в том числе и право как социальный регулятор, не является неким отвлечённым функционалом, а существует только благодаря людям и без людей полностью теряет смысл. В связи с этим достаточно важным выглядит исследование правового бытия с точки зрения конкретного человека и (или) со стороны социальной общности.

Антропологический подход к исследованию правовых явлений подвергается критике именно на том основании, что ведёт к размыванию объективности права. Кроме того, отмечается, что право теряет фундаментальное философское основание и историческую преемственность [14]. Под фундаментом, надо полагать, мыслится диалектика, а историческая преемственность рассматривается скорее всего в плане преемственности правовых текстов.

Следует, однако, различать истинность, объективность, достоверность как характеристики научного знания, с одной стороны, и объективность права как соответствующего явления – с другой. Рассуждения о размывании объективности права так или иначе базируются на представлении о пра-

ве как исключительно субстанциональном явлении, выраженном в виде официального текста (в юридическом позитивизме) или реально сложившихся правоотношениях (социологическое правопонимание). Однако независимо от того, как мы понимаем право, правовые тексты не теряют свою объективность как письменное изложение определённых моделей поведения, заданных нам извне, независимо от нашего субъективного их осознания. Именно эти модели, нормы поведения мы и рассматриваем с точки зрения их стабильности и включённости в официальные формы (источники) права. Однако утверждать, что текст норм права в большинстве стремится к совершенству и не предполагает различий – это значит отрицать очевидные проблемы в так называемой реализации права, тем более в российской правовой системе. Что касается вопроса об истинности самих норм права [15, с. 220], то, несмотря на его постановку в отечественной юридической науке, он остаётся в статусе дискуссионного [16, с. 315].

Следует иметь в виду, что антрополого-правовой анализ, как впрочем и использование иной постклассической методологии, не угрожает предметности самих правовых текстов. А вот осмысление их содержания, порядка формирования, интерпретации и воплощения в общественных отношениях не должно стоять на месте, иначе наука просто не будет выполнять свои базовые функции в плане формирования новых знаний.

Разработка нормы права в процессе правотворчества и достижение объективности правовых предписаний также порождают массу проблем, на которые не было принято обращать внимание в рамках позитивистской парадигмы. В частности, пресловутая «воля законодателя» представляет собой достаточно иллюзорное явление. Во-первых, как известно, тексты многих законодательных актов разрабатываются специалистами, а не самими народными избранниками. Во-вторых, наивно полагать, что весь корпус законодательного органа знакомится с текстами всех рассматриваемых проектов. В-третьих, в представительном органе обычно представлены разные политические силы, которые могут высказывать принципиально разные соображения по поводу правового регулирования тех или иных отношений, и их «воли» никак не совпадают. В-четвёртых, некоторые законопроекты непосредственно исходят от Президента или Правительства РФ, принимаются без особых поправок и выражают волю скорее суверена или исполнительной власти, нежели чем законодателя. В-пятых, если законопроект всё же исходит от депутатов, то фактически в итоге мы имеем некий конвенциональный результат согласования разнонаправленных «волей». Можно приводить массу иных аргументов. В нашей науке до сих пор по инерции используются такого рода симулякры и

шаблонные формулы, которые давно развенчаны реальной правовой жизнью. В связи с этим поиск привычной объективности права может означать лишь сохранение старых понятийных и логических моделей, которые привычны и не требуют особого напряжения в процессе описания действительности. Однако будет ли такое описание достоверным, да и насколько с такой явно устаревшей методологией можно будет обосновать объективность права – вопросы, вполне назревшие.

Излишние опасения по поводу того, что использование, в частности, антропологического методологического инструментария приведёт к размыванию объективности права в пользу его субъективности, не должны основываться на соображениях целесообразности. Всё же задача науки – поиск всех возможных трактовок тех или иных явлений, попытка достичь истины. Педантирование на идеологической функции науки, как известно, вполне может повлечь за собой деградацию последней. Что касается юридической науки, то её подчинение политической, экономической, управленческой и прочей целесообразности даёт повод для известных утверждений о том, что юриспруденция – не наука, а искусство (Л. Ландау) [17, с. 51], поскольку вместо научного поиска она начинает заниматься в лучшем случае лишь описанием действительности, а в худшем – подгонять свои логические построения под действительность, создавая аналог официального мифотворчества.

Условность использования термина «объективность» в отношении многих правовых предписаний как нельзя лучше подтверждается процессом формирования правовых позиций Пленума и Президиума Верховного Суда РФ, а также Конституционного Суда РФ. Во-первых, указанные субъекты исследуют судебную практику, которая сложилась в связи с применением норм, подлежащих официальному толкованию. Здесь мы сразу же презюмируем, что сложившаяся практика в точности отвечает реальному положению дел и отвечает критерию истинности. Однако очевидно, что такое предположение достаточно иллюзорно: возможно, что на практике сложились ложные представления о применении нормы. В этом случае высшие судебные органы вынуждены указать на ошибочность предыдущих позиций. Во-вторых, и Пленум, и Президиум Верховного Суда РФ, и Конституционный Суд РФ – органы коллегиальные. Соответственно, у отдельных судей могут формироваться разные правовые позиции. Каждая из них отражает особенности представлений именно данного судьи, его социально-правовой опыт. В-третьих, итоговое толкование права высшими судами есть результат победы одной из высказанных правовых позиций, которая достигнута голосованием. Мы опять же презюмируем, что итоговая позиция объективна и отражает единственно верный вариант толкования нормы. Однако данная

презумпция касается официальной стороны дела: правовая позиция обязательна и подлежит применению в дальнейшем. С научной же точки зрения, увы, правовая позиция может быть и неидеальной, а, возможно, даже и ошибочной. Так что объективность позиций в таком случае явно не очевидна и безусловно включает серьёзный субъективный момент.

Таким образом, современная юридическая наука находится в состоянии методологического перепутья. С одной стороны, сохраняются тенденции к замораживанию устоявшихся концептуальных подходов – таких, как материалистическая диалектика, позитивизм, а с другой – новые подходы в социально-гуманитарных науках требуют дополнения методологического инструментария. Последнее необходимо в силу тупиковых результатов в осмыслении многих правовых явлений и неспособности дать объяснение и соответствующие рекомендации в плане дальнейшего развития правовой действительности. Правовая наука исследует явления социального порядка, которые отличаются смешанным, объективно-субъективным характером; основной задачей юриспруденции должно быть не обоснование определённых умозрительных моделей бытия в угоду политической, экономической и иной целесообразности, а формирование полноценных научных знаний, раскрывающих сущность и содержание явлений.

Литература:

1. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... докт. юрид. наук. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 94 с.
2. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: современный тип интегративного правопонимания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 4-11.
3. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. – СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.
4. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. – Екатеринбург: Изд-во гуманитарного университета, 2001. – 264 с.
5. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: константы и переменные // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 2. – С. 161-170.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
7. Яркова Е.Н. История и методология юридической науки: учебное пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2012. – 463 с.
8. Войниканис Е.А. Парадигмальный подход к исследованию интеллектуальных прав: авторефер. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2016. – 60 с.
9. Сырых В.М. История и методология юридической науки: учеб. пособие. – М.: Норма, 2020. – 512 с.
10. Венгеров А.Б. Синергетика, юридическая наука, право // Советское государство и право. – 1986. – № 10. – С. 39-45.
11. Ветютнев Ю.Ю. Синергетика в праве // Государство и право. – 2002. – № 4. – С. 64-72.
12. Шишкин В.В. Синергетический подход в теории права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007. – 35 с.
13. Шундилов К.В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 256 с.
14. Лихтер П.Л. «Антропологический поворот» в правовой науке: благо или зло // Государство и право. – 2019. – № 4. – С. 66-74.
15. Баранов В.М. Истинность норм советского права. – Саратов, 1989. – 388 с.
16. Сырых В.М. Логические основания теории права. В 2-х т. Т. 1. – М.: Юридический дом Юстицинформ, 2001. – 528 с.
17. Михайлов Ф.Т. Самоопределение культуры. Философский поиск. – М.: Индрик, 2003. – 272 с.

Modern Methodological Approaches and Their Use in a Domestic Law Science

*Krasnov A. V.
Kazan branch of the Russian State University of Justice*

The author investigates a modern condition of methodology in a domestic law science. Negative tendencies of absolutization of dialectics and law positivism are marked. Necessity of application integrative understanding of the law, and also methods of synergetic, phenomenology and anthropology is proved. Objects of research of a law science are considered as having simultaneously objective and subjective character.

Key words: methodology, a law science, law positivism, integrative understanding of the law, synergetic, phenomenology.